

СИНЯЯ ЛИ СИНИЦА?

У сомбатхейских славистов сложилась традиция изучения редких и аномальных цветовых (про)явлений в языке. Данная публикация, посвященная уважаемому Юбилею, продолжает эту традицию.

В славянских языках и диалектах нередки случаи номинации диких и домашних животных и птиц, мотивированные названиями цвета и масти. В одних случаях их цветовые характеристики очевидны. В других случаях они не всегда видны с первого взгляда (Моисеенко 2006). Существует два типа общеславянских наименований птиц, связанных своим происхождением с цветовой семантикой. К первому типу можно отнести прилагательные *вороной*, *голубой*, *рябой*, которые восходят к праславянским существительным – названиям птиц **vorna*, **golǫbь*, **jaręb-* ('куропатка', 'рябчик'). Цветообозначениями они стали еще в праславянскую эпоху, и свое происхождение ведут от характерной эталонной окраски оперения вороны, голубя, куропатки, рябчика. Ко второму типу относятся названия птиц – имена существительные, происходящие от праславянских наименований цвета. Например, укр. *бусель*, *бузыка*, белор. *бусел*, польск. *busel*, *busieł*, *bocian*, (пра)лехитск. **botъjanъ*, в.-луж. *bacon*, н.-луж. *bósan*, *bósen* – все в значении 'аист', восходят к единому праславянскому прилагательному **bosъ/*bosъjь* со значением 'темно-серый, пепельный' (Булаховский 1948: 182–183; Фасмер 1974–1979: I, 251–252 и IV, 310; Андерсен 1996: 65; Vernecker 1908–1913: I, 78; Brückner 1974: 33). К этому же второму типу относятся и праславянские образования **solvijь* – рус. *соловей*, укр. *соловій*, чеш. *slavík*, хорв. *slavuj*, польск. *stowik*, словен. *slavec* и др., являющиеся производными от наименования цвета **solvъ* – 'желтовато-серый'. К этому же типу относится и **sinica*, мотивированная цветоименованием **sinъ(jь)*. Ср.: рус. *синица*, укр. *синиця*, хорв. *sinica*, *senica*, *sjenica*, болг. *синьогушка*, *синигер*, *синигур*, верх.-луж. *supiška*, кайк.-хорв. прекмурск. *sinica*, венг. *cinke* и *cinege*.¹ По-

¹ В венгерском языке немало названий птиц славянского происхождения: *csíz*, *galamb*, *szarka*, *varjú*, *veréb* и др. Напрашивается гипотетическая возможность славянских корней в венгерских названиях синицы: *cinke* и *cinege* (ср. чешск. *sněhule* (птица 'подорожник зимний'), болг. *синегур*, *сенегур* ('синица'), рус. *снугирь*, укр. *снігар*, *снігур*, *снугур* ('снугирь')). Удивительная близость звучания венгерских и славянских наименований синицы не выглядит как случайное совпадение. Вопрос этот, однако, требует серьезного этимологического рассмотрения и аргументации.

путно отметим, что в разных славянских языках имеется несметное количество местных и диалектных названий синицы. Ср. рус. *зинька, гаечка, лазоревка, ремез*, хорв. *zenica, seničica, sinac, sinđa, cicibaj, cicigoj, cvinčić* и множество других. Лишь только в одном хорватском языке П. Скок насчитал 26 разных диалектных названий синицы (Skok 1971–1974: III, 251).²

Почему именно синица стала предметом нашего рассмотрения? Если взглянуть на эту элегантную юркую птичку глазами лингвиста-колориста, невольно возникают вопросы: «В какой цвет на самом деле окрашены синицы? Ведь реальный цвет их оперения явно не синий. Если птица не синяя, то почему она так названа?». В этом же контексте вызывает удивление общность и сохранность наименования этих птиц, которое восходит к **sinica* в абсолютном большинстве славянских языков и диалектов, разбросанных на огромных славянских языковых пространствах.

Семейство синицевых (Paridae) из отряда воробьиных разнообразно.³ Самыми узнаваемыми и привычными среди птичьих обитателей парков, садов и лесов Европы являются две синицы: *большая синица* (*Parus major*) неопределенного темного серо-черного цвета, а также *лазоревка* (*Parus caeruleus*) – (от рус. ‘лазоревый’ – голубой), самая пестрая среди синиц (Феликс 1980: 48–49, 50–51, 92–93). Примечательно, что синего оперения не имеет ни один вид *Paridae*. У *Parus major* – ‘большой синицы’ – цвет в названии отсутствует. В отличие от нее, *Parus caeruleus* в славянских названиях, как правило, сохраняет «голубую» цветовую семантику: в хорв. – *plavetna sjenica*, в рус. – *лазоревка* и т.д. Интересны эти два имени синиц в венгерском

² По наблюдениям акад. П. Скока, в хорватских диалектах насчитывается 26 ономастических вариаций названия общеславянского *sinica* (Skok 1971–1974: III, 251). Ср. также некоторые этимологические наблюдения над словоформой **sinica*. В современных сербском, хорватском, черногорском и боснийском стандартных языках на новоштокавской основе (со)существуют три варианта названия синицы: *sinica–senica–sjenica*. С лингвистической точки зрения в хорватском йекавском кодифицированном варианте *sjenica* представляется парадоксальным появлением так называемого «секундарного *je*» как результата рефлексии ятя. Но эта рефлексия ятя [ĵ] здесь произошла явно по ложной аналогии. В первоисточнике, в праславянском **sinica* этимологического (исторического) [ĵ] не было и не должно было быть по определению.

³ В. Даль в своем толковом словаре посвятил синицам целый орнитологический очерк: «Синица, синичка, пташка *Parus*, в Европе восемь видов: *Parus major* – кузнечик, зеленоватая, белошекая; *Parus caeruleus* – лазоревка, поменьше, темя голубое; *Parus ater* – лесная; *Parus palustris* – болотная, еще меньше и много черни в пере; *Parus cristatus* – хохлатая; *Parus caudatus* – долгохвостая; *Parus biarmica* – усатая, черноусая, она же *зинька*; *Parus pendulinus* – ремез, гаечка, самая крохотная, крылья и хвост рыжеватые» (Даль 1882: IV, 187).

языке. Это обобщающие венгерские названия синиц *cinke* и *cinege*, а также отдельные виды: *Parus major* – *széncinke* – букв. ‘цвета угля, угольного цвета’ и *Parus caeruleus* – *kékcinke* – букв. ‘голубая, лазоревая’. Венгерский термин *kékcinke* формально значит ‘синий’, но его можно перевести на другие языки и как ‘голубой’. А вот наименование цвета *caeruleus* в латинской орнитологической номенклатуре строже: оно значит только ‘голубой’ (‘синий’ по-латыни *caeneus*, которому соответствует спектральное в венгерском наименование *cián* (‘синий’)).

Глядя на лазоревку (*Parus caeruleus*), сразу видишь, что у нее самое яркое оперение среди других представителей семейства синициевых: верх головки – «шапочка» у нее ярко-голубая (но не синяя), «щечки» серо-белые, спинка пестрая, коричневая с зеленцой, грудка и брюшко ярко желтые, цвета эти видны издалека. В оперении большой синицы полностью отсутствует голубой и желтый цвет, тельце у нее темно-серое, а головка черного, «угольного» цвета. В окрасе оставшихся четырех видов синиц цветковые вкрапления отсутствуют. *Визуальные наблюдения общего плана позволяют сделать заключения о том, что птицы, называемые в разных славянских языках синицами, на самом деле синими не являются.*⁴

По поводу происхождения общеславянского **sinica* существуют два основных мнения. В соответствии с одним, название этой птицы происходит от праславянского цветоименования **sinь(jь)*. В соответствии с другим, в основе наименования **sinica* лежит ономастопея (звукоподражание). Первая точка зрения традиционна. Ее придерживаются (или во всяком случае не оспаривают) авторитетные этимологи (А.Г. Преображенский, М. Фасмер, В. Махек, Э. Бернекер, П.Я. Черных, А. Глухак и др.). В. Махек, в частности, пишет и о том, что само прилагательное *siný* (из **sinь*) сохранилось только в некоторых чешских диалектах и словацком языке. В литературном чешском языке из средневековых письменных памятников его возродил Й. Юнгманн в начале XIX в. (Machek 1957: 444–445). От А. Брюкнера узнаем, что современным полякам *sinica* уже неизвестна, хотя сохранилось прусское *sinico* как соответствие современному польскому *sikora* – ‘синица’

⁴ К сожалению современные русские толковые словари предлагают неинформативные в плане цветового содержания дефиниции типа: «синица – небольшая птица с пестрым оперением из отряда воробьиных» (ТСРЯ: 186). Почти дословно повторяет ее 17-томный академический словарь: «синица – певчая птичка с пестрым оперением» (ССРЛЯ: XIII, 832). Как видим, эти толкования не обладают цветовой информацией, поскольку понятие «пестрый» во многих современных языках не входит в систему цветообозначений, и поэтому не имеет определенного семантического ярлыка.

(Brückner 1974: 491). А.Г. Преображенский *синицу* связывает с *синий* (Преображенский 1910–1914: II, 287). М. Фасмер (1974–1979: III, 625) предполагает, что первоначально это название, вероятно, обозначало разновидность *Parus caeruleus*. П.Я. Черных (1994: II, 163) сообщает о том, что общеславянское **sinica* несомненно восходит к прилагательному **sinjъ(jь)*, которое, в свою очередь, является производным от глагольного корня **si-* (**si-jati*), к которому восходят и такие праславянские наименования цвета как **sivъ(jь)*, **sědъ(jь)*, **sizъ(jь)*, **sěръ(jь)*. А. Глухак в общих чертах придерживается той же точки зрения (Gluhak 1993: 548).

Сторонниками второй точки зрения о звукоподражательном происхождении синицы являются украинский славист Л.А. Булаховский и хорватский этимолог П. Скок. Академик Л.А. Булаховский в свое время опубликовал обстоятельный очерк *Славянские наименования птиц* (Булаховский 1948, 1978), в котором затронул также и вопрос о цветной семантике в общеславянских наименованиях некоторых птиц, в том числе синицы. Автор очерка излагает версию этимологии славянского **sinica*, в соответствии с которой свое название эта птица получила благодаря характерному писку, транскрибированному Булаховским как [zizigäg].

Академик П. Скок о происхождении названия синицы высказывался безапелляционно. Он писал: «Нет смысла связывать многочисленные названия синицы с *sinъ* „plav“». Об этом прилагательном можно говорить только в связи с народной этимологией» (Skok 1971–1974: III, 251) (перевод с хорватского наш – К. Г. – В. М.). П. Скок связывает название этой птицы только с ономастопеей, с характерным звуком, издаваемым ею, рассуждает также о сближении ономастопейного материала с лексическим, «который находится в языковом сознании» (там же).

В отличие от мнения двух уважаемых нами ученых, мы считаем, что *все же есть прямой смысл* связывать название синицы именно с «цветным» корнем **sinj-*. А вот сама *возможность* формирования еще в глубокой древности *единого для всех славян наименования на основе звукоподражания* на огромных пространствах праславянской диалектно раздробленной Славии нам *представляется неубедительной*. Практически невозможно трансформировать, свести к единому образцу [sinica], предлагаемые Л.А. Булаховским и П. Скоком ономастопозитические формы: с одной стороны [zizigäg], а с другой [ciciban], [cicibaj], [cicibag], [cicigoj], [cicmiga], [cicikur], [cicigunj] и др. (Skok 1971–1974: III, 251). Подобная возможность нам представляется далекой от языковой реальности. Хотя, бесспорно, ономастопея играла важную роль при возникновении языка. Но корневые звукоподражательные слова образуются по определенным моделям. Ср., например, «прозрачное» общеславянское звукоподражательное имя птицы «щегол» от корня **šče-* в начале слова «щебетать» (укр. *щиголь*, словен. *ščegljec*, чеш. *stehlík*, польск.

szczygieł, нем. *Stieglitz*, заимствованное из западнославянского (Фасмер 1974–1979: IV, 447–498; Vernecker 1908–1913: 545; Brückner 1974: 545)). Зная характер звучания денотата, конечно можно предсказать фонетическую структуру звукоподражательного слова. Предсказуемость возможна в терминах акустических фонемотипов, но не отдельных конкретных фонем.

В пользу же цветовой этимологии синицы свидетельствует один, но важный фактор, который заключается в уникальных свойствах свето-цветовой семантики праславянского **sinь*: многозначности, размытости и некоторой закодированности смыслов, содержащихся в этом общеславянском наименовании цвета.

В связи с нашей темой считаем уместным вспомнить, что существует общепринятое мнение психологов, культурных антропологов и офтальмологов о том, что все народы в глубокой древности проходят общие или сходные ступени в различении и обозначении цветов. Существуют наблюдения, что именно синий цвет в разных языках различается и называется позже других. В частности, для эпохи древнерусских письменных памятников, начиная с XI в., характерны гипертрофированная полисемия и неопределенность семантики этого прилагательного именно как цветообозначения (Бахилина 1975: 174). Можно предположить, что на начальной стадии прилагательное *синий* обозначало не цвет, а значило ‘темный’. Словом *синий* в древнерусских контекстах часто переводится греч. *μελας*, для которого словари дают целый ряд значений: ‘черный, темный, мрачный, зловещий, глухой, тусклый’ и прочее.

В словаре И.И. Срезневского (1893–1912: III, 356) зафиксировано 13 значений *синии*: темно-голубой, синий, синеватый, отливающий синим (эпитет молнии), посиневший от кровоподтеков (ср. совр. «синяк»), багровый, налитый кровью, темный, иссиня темный, темнокожий, черный, потемневший, сумрачный. Показательно, что такого количества значений одновременно не имело и не имеет ни одно славянское цветоименование.

Исследователи считают, что в праславянскую эпоху наши далекие предки понимали цвет в полной неотрывности от самого предмета, т.е. они больше интересовались интенсивностью, яркостью, чем оттенками красок (Бахилина 1975: 35; Ивић 1998; Колесов 2004). Лексические данные, характерные для языка древнейших русских письменных памятников, свидетельствуют в пользу такого заключения.⁵

⁵ В древнерусских и других славянских письменных памятниках цвет – одна из немногих описательных характеристик животных и птиц. Ср. в *Слове о полку Игореве*, где «окрашены» волк, горлица, сокол и др. представители животного мира. Хроматические характеристики в подобных текстах имеют мало общего с

В связи с этим, представляют интерес наблюдения Н.Б. Бахилиной (1975: 35), которая сообщает о том, что в древнерусских письменных памятниках XI–XII вв. вся группа синего цвета представлена только единственным цветообозначением *синий*. *Синий* имело сложную систему значений, которая, видимо, обусловлена его генетической историей. Однако основное его значение в древних памятниках все же совпадает с современным значением в русском для названия цвета неба и водных поверхностей (моря и рек), описания природных явлений, внешности человека и др. Н.Б. Бахилина пишет: «Можно думать, что в этот древнейший период прилагательное *синий* еще не выкристаллизовалось окончательно как цветообозначение, называющее один из основных цветов спектра. В нем еще сохранились какие-то черты более древнего состояния, когда оно было либо более многозначно, либо, напротив, называло **просто темный цвет**» (там же), (выделено нами – К.Г. – В.М.). В древнерусских памятниках XI–XII вв. встречаются не единичные примеры во фразеологии, где *синий* значит ‘темный’ в выражениях ни на *синь ноготокъ*, ни *синь пороха* (въглазоч), или значит ‘черный’ в выражении *синя гако сажа* (Иванова 1974; Ивић 1998; Моисеенко 2000). Оно обозначало и неопределенный «сизый» цвет в выражении «*синий как пуп*» (Моисеенко 2010).

Н.Б. Бахилина (1975: 177) делает весьма логичное предположение: «Если допустить, что прилагательный *синий* в эпоху древних памятников было где-то на границе свето- и цветообозначения, или может быть вернее, будучи *цветообозначением*, в какой-то мере сохранило свои старые качества *светообозначения*, то станут более ясными и некоторые другие примеры из древних памятников».⁶

Факты языка свидетельствуют, что в глубокой древности, на начальной стадии развития цветового зрения, преобладающим был фактор света, освещенности объекта, а не цветовой фактор, который наши предки воспринимали и дифференцировали очень слабо. Древние славяне, наряду с другими индоевропейцами, понимали цвет в полной неотрывности от самого

цветом реальных животных, что подтверждается не только описанием, но и изображениями зверей и птиц в лицевых рукописях. В западноевропейских bestiариях встречаются голубые антилопы, волки, бобры, красные и розовые львы и др. Даже хорошо знакомые животные и птицы окрашены условно: красный баран, зеленый еж, синий попугай. Подобная условность, но в более сдержанной цветовой гамме с преобладанием темно-серых, грязно-зеленых, охристых цветов присутствует и в древнерусских рукописях.

⁶ Ср. в церковнославянских контекстах: *синець* – «черный» (бесь (дьявол); эфіопъ, муринъ (мавр)) (Дьяченко 1993: 600). В некоторых случаях оно имеет переносное значение, не являясь цветообозначением.

объекта. Их больше интересовала его освещенность, яркость, нежели им еще неведомая спектральная сущность цвета, колористическое восприятие окружающего пространства (Моисеенко 2009). На начальной стадии формирования древнейшая славянская (микро)система наименований цвета состояла преимущественно из лексем, маркированных не по хроматическому принципу, а по иным дифференциальным признакам. Этой системе, в частности, была присуща другая, архаичная когнитивная модель преимущественного реагирования на цвет как символ (Панченко 1968). У древних славян оппозиция по признаку «темный цвет/светлый цвет» являлась очень важной, может быть даже основополагающей (Колесов 2004; Ивић 1998).

Сегодня можно лишь строить предположения относительно исходной мотивированности, возникшей в праславянскую эпоху, которая моделировала примерную номинацию **sinь*. Поэтому невозможно с полной уверенностью утверждать, какой вид семейства синициевых «ведет» свое название от цветообозначения. С большой долей вероятности первоначально это имя, перешедшее потом и на другие виды, получила *Parus major*, самая крупная из семейства *Paridae*, в оперении которой преобладает черно-серый, «темный» цвет. Если учитывать отмеченные выше древнейшие особенности «синего», а именно цветовую полисемию и способность обозначать преимущественно темные несектральные цвета, то наша гипотеза выглядит логичной и уместной. В какой-то мере ее подтверждают данные венгерского языка – более чем тысячелетнего территориального соседа южных, западных и восточных славян. В этом языке наиболее точно подмечен и закреплен цвет «большой синицы», где *széncinke* – буквально значит: «угольного цвета» синица. А вот *Parus caeruleus* на эту роль едва ли подходит, т.к. эта птица визуальна в цветовом плане маркирована. Она разноцветная, пестрая, с вкраплениями ярко желтого и голубого цветов. Ср. венгерск. *kékcinke* – буквально «голубая» или «синяя» синица.

Настоящая публикация – это всего лишь небольшой штрих в описании терминологии природной среды, которая может быть подвержена культурным изменениям в той же степени как и другие сферы лексики. Попытки ее реконструкции, включающие, в частности, особенности номинации животного и растительного мира, расширяют наши представления о культурном содержании, приписываемом природной среде.

Этимологические исследования древнейших цветовых названий животных и птиц проливают свет на интегрированность природы в доисторическую культуру, способствуют идентификации отдельных культурных ареалов Старого Света. Однако этимологическим исследованиям, часто интересным и удачным, по-прежнему не хватает нужной убедительности главным образом из-за недостатка документированной доказательной базы при-

нимаемых семантических параллелей, которую, особенно для доисторического периода, для палеославистики, вынуждены собирать буквально по крупичкам.

Поэтому перед исследователями еще стоит непростая задача осмысления глубинных разнонаправленных семантических трансформаций в архаичной микросистеме славянских наименований цвета на фоне нынешнего ее состояния.

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсен, Х. 1996, Взгляд на славянскую прародину: Доисторические изменения в экологии и культуре. *ВЯ* № 5, 65–106, № 6, 31–40.
- Бахилина, Н.Б. 1975, *История цветообозначений в русском языке*. Москва: Наука.
- Булаховский, Л.А. 1948, Семасиологические этюды: Славянские наименования птиц. Ученые записки Львовского гос. ун-та им. Ив. Франко. *Вопросы славянского языкознания*, т. I. Львов, 153–197.
- Булаховский, Л.А. 1978, Славянские названия птиц. В кн.: Булаховский, Л.А. *Избранные труды в 5-ти томах*, т. 2.: *Украинский язык*. Киев: Наукова думка.
- Даль, В.И. 1882, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–IV. Санкт-Петербург–Москва.
- Дьяченко, Г. (сост.) 1993, *Полный церковно-славянский словарь*. Москва: Издательский отдел Московского Патриархата.
- Иванова, Т.И. 1974, К истории фразеологизмов, включающих сочетание «синь порох». В кн.: Филин, Ф.П. – Аванесов, Р.И. (ред.), *Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков*. Москва: Наука, 264–269.
- Ивић, М. 1998, Поводом изрза *ни на синь ноготок*. В кн.: *Слово и культура: Памяти Н.И. Толстого*, т. I. Москва: Индрик, 105–111.
- Колесов, В.В. 2004, Свет и цвет в «Слове о полку Игореве». В кн.: Gadányi, K. (ред.), *Свет и цвет в славянских языках*. Melbourne: Academia Press, 35–48.
- Моисеенко, В.Е. 2006, О Шарике, Жучке, Мурке и сером волке: ономазиологические заметки. *Studia Slavica Hung.* 51, 155–168.
- Моисеенко, В.Е. 2009, О радуге цветной и нецветной. *Studia Slavica Savariensia* № 1–2. Szombathely, 247–264.
- Моисеенко, В.Е. 2010, О семантике выражения *синий как пуп*. (In honorem Janusz Bańczerowski.) *Studia Slavica Hung.* LV, № 2. Budapest, 389–394.
- Моисеенко, Л.Н. 2000, Еще раз о цвете и цветовых символах в «Слове о полку Игореве». В кн.: Gadányi, K. (ред.), *Слово и цвет в славянских языках*. Melbourne: Academia Press, 148–156.
- Панченко, А.С. 1968, О цвете в древней литературе восточных и южных славян. В кн.: *ТОДРЛ*, т. 23. Ленинград: Наука, 7–26.
- Преображенский, А.Г. 1910–1914, *Этимологический словарь русского языка*, т. I–II. Москва: Типография Г. Лисснера и Д. Собко.

- Срезневский, И.И. 1893–1912, *Материалы к словарю древнерусского языка по письменным памятникам, т. I–III*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1-е изд.
- ССРЛЯ – *Словарь современного русского литературного языка в 17 томах*. Москва–Ленинград: АН СССР, 1950–1965.
- ТСРЯ – Ушакова, Д.И. (ред.) 1940, *Толковый словарь русского языка, т. IV*. Москва.
- Фасмер, М. 1974–1979, *Этимологический словарь русского языка, т. I–IV*. Москва.
- Феликс, И. 1980, *Птицы садов, парков и полей*. Прага: Артия.
- Черных, П.Я. 1994, *Историко-этимологический словарь современного русского языка, т. I–II*. Москва: Русский язык.
- Bernecker, E. 1908–1913, *Slavisches etymologisches Wörterbuch I–II*. Heidelberg: Winter.
- Brückner, A. 1974, *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- Gluhak, A. 1993, *Hrvatski etimološki rječnik*. Zagreb: August Cesarec.
- Machek, V. 1957, *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha: Československé Akademie Věd.
- Skok, P. 1971–1974, *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika, knj. I–IV*. Zagreb: JAZU.